

18+

Владислав Слободянюк

МОНОКЛЬ ЛЕНДЕРА

Владислав Слободянюк

Монокль Лендера

«Издательские решения»

Слободянюк В.

Монокль Лендера / В. Слободянюк — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985627-2

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Лендер Вольф, художник и алкоголик, находит
старинный артефакт, который полностью меняет его жизнь. Сможет
ли он справиться с испытаниями, которые подкинут ему монокль и его
таинственный хранитель? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-985627-2

© Слободянюк В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Начало, и кое-что о талантах	6
Глава 2. Ты – гений, Циклоп	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Монокль Лендера

Владислав Слободянюк

Иллюстратор Сергей Остряков

© Владислав Слободянюк, 2020

© Сергей Остряков, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-5627-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Начало, и кое-что о талантах

– Ты гребанный кусок дерьма! Три стакана кофе? Три?! – я вопил так, что вены на шее вздулись до небывалых размеров.

– Лендер, ну что я сделаю? – паренек в синих очках растерянно ворошил блокнот на столе. – Я же не могу выйти на улицу и зазывать посетителей, люди жалуются на малый ассортимент и мрачную атмосферу!

– Щенок! Ты стоишь тут так, будто только что из могилы выполз! Улыбка твоя где? Я бы тоже не пил тут ничего, ведь бариста – чертов кретин, не умеющий расположить к себе никого, кроме старых алкоголиков!

Я швырнул кружку на пол, но она каким-то непостижимым образом осталась цела. Развернувшись, я зашагал твердой походкой к выходу и устремился прочь от кофейни, не приносившей никакой прибыли. Я уже почти бежал, нагло расталкивая прохожих. «Не может он... Тупой ублюдок!»

На улице уже потемнело, а потому они пустели. Люди торопились занять свои удобные местечки возле жен, мониторов и барных стоек, ведь рабочий день большинства близился к концу. Автомобили скапливались на небольших участках дороги, образуя вереницу по типу мигрирующих муравьев. Я шагал очень бодро, лавируя между молодежью, которая наоборот только выползала на улицу. Ночная жизнь в городе кипела настолько, что почти каждый день по местным новостям сообщали о том или ином событии.

Дойдя до проезда, я посмотрел на двух молодых девушек, стоящих рядом с воротами своего дома.

– Вы кого-то ищете?

– Да нет... – пожалала плечами белокурая дама и уставилась на меня и на мой огромный шрам и висящие невымытые длинные волосы.

– Тогда нечего тут стоять! Это моя территория, идите в другое место, иначе я проломлю ваши тупые головы!

– Мудак! – вторая девушка потянула за руку блондинку, и они поспешили уйти.

Коряво улыбнувшись, я открыл калитку и через минуту почивал на своем любимом кожаном диване, попивая лондонский джин.

«Она по любому посчитала меня уродом» – мысль неожиданно ворвалась в мою голову.

Я всю жизнь пытаюсь вести себя так, как не свойственно обычным людишкам. Как именно? Не смотреть по сторонам, ставя нерушимую ментальную завесу. Ведь нотка загадочности всегда придаст свою изюминку, особенно, когда ты – двухметровый одноглазый скелет, с уродливым шрамом в пол лица и жидкой бородкой. Но всегда сложно отречься от мнения социума. Безусловно нет людей, кому плевать на чужое мнение, на сторонние взгляды, но все мы любим строить себя по типу великих вымышленных личностей. Ведь мы – коконы, которые, увы, никогда не раскроются и будут вечно прозябать в котле из собственных неудач. Кстати, джин казался сегодня еще более мерзким, чем когда-либо, поэтому я уложил бережно стакан на полку и лениво откинулся на спинку дивана. Мысли прервал упорный стук в калитку, и я медленно побрел во двор, поправляя подол плаща. Открыв, я немного опешил. Передо мной стоял Шот с двумя полуголыми девицами с огромным косяком в зубах.

– Старина Ленни! – Шот попытался собрать глаза в кучу, но получилось плохо. – Займи денег до завтра, я верну вечером, отвечаю.

– Эмм... на травку и проституток? Шот, а ты помнишь, что торчишь мне еще тысячу? – я потрепал юношу за волосы и тот оттолкнул мою руку.

– Ну Лендер, выручи, очень надо. Я тебе за это дам чего-нибудь интересного... – Шот вытащил пластину таблеток из кармана клетчатой рубашки.

Я молча закрыл дверь прямо перед ним и насвистывая побрел в дом, выслушивая шквал ругани из-за ворот. Этого торчка давно нужно было упекать в дурку, ведь он не трезвеет никогда. В 20 лет стоило бы чем-то занять себя, а не водить проституток домой. Раньше, когда родители Шота были живы, он был славным малым и нередко приходил ко мне домой посмотреть на мои полотна и поучиться художественному мастерству. Мечтал стать художником, писал неплохие пейзажи, совмещая с этим учебу в колледже. Но когда Тереза со своим хахалем попала под лавину в горах, парень окончательно съехал с катушек, начав употреблять все подряд в восемнадцатилетнем возрасте. Кисть с маслами, разумеется, он с тех пор откинул подальше, заменив на марихуану и колеса. С тех пор так и живет, превратив уютный домик в притон для вечных тусовок и прожигания денег, которые слал ему дядя из Австрии. В глубине души я жалел Шота, но все мы сами избираем свой путь, никто насильно нам не пихает в рот наркоту и не вбивает в голову блудливые делишки. Так что, возможно, скоро и его вынесут вперед ногами из притона. В свой последний тридцать первый день рождения я наблюдал, как Шота выводят со двора, давящегося рвотными массажами и пытаются вызвать скорую, так что тут и так все ясно.

Я достал мобильный телефон и увидел три пропущенных от Адель, дочери моего друга Мануила. Она ходит ко мне для того, чтобы я учил ее академическому рисунку, ведь в престижном вузе, имея богатого отца нужно быть первой во всем. Так она считала всегда, ставя свое «я» превыше всего, отшивая десятки нищих латиноамериканских подростков, рьяно ухлестывающих за ней. Как по мне, Адель – очередная избалованная малолетка, не имеющая за собой ничего, кроме классной задницы и больших губ. И рисовала она откровенно говоря ужасно... Казалось, что даже Шот, будучи обдолбанным, способен на большее. Но, дабы не обижать Мануила, я согласился улучшить ее навык, ведь мне еще и платили за это. Деньги решают все. Бездарная мазня Адель продвигалась отцом в галереи города, где работали его друзья, а мои шедевры не брали даже на выставку любителей, ведь арт и абстракция ценится только избранными.

– Алло, Лендер, вы дома? – спросила Адель сонным голосом.

– Да, можешь приезжать, я как раз освободился. – я не дослушал попытку вставить еще одну фразу и положил трубку, удаляясь в комнату, оборудованную под мастерскую. Разложив все необходимое, я устался на полотно, написанное мною недавно. На нем был изображен огромный глаз, со стекающими из зрачка каплями различного спектра цветов, украшенными странноватыми линиями, похожими на молнию. Глаз был чем-то вроде портала в мир иной и при более внимательном наблюдении можно было заметить, что он был вогнан в кирпичную стену, исписанную ломаными граффити и расклеенную листовками. У домов ведь тоже есть глаза и они наблюдают за вялым двуногим биопланктоном, проходящим мимо. Технически работа была выполнена по всем правилам сюрреализма, и я видел в полотне больше, чем многие. Ведь мне всегда казалось, что за мной наблюдают, нечто необычное, живое. С отвратительным дыханием и пристальным взглядом. Для этого создавался глаз, дабы служить дополнительным органом. У меня то глаз всего один и назвать это «третьим оком» было бы забавно, но иногда нотка черного юмора была как нельзя кстати, особенно в период прихода Адель.

Размышления прервал звонок мобильного.

– Лендер, я уже рядом, скоро буду! – Адель с отдышкой шептала в трубку.

– Да, я жду тебя. – я стряхнул пепел в баночку – Только быстрее, сегодня недолго.

В доме стемнело уже как час назад, а свет все еще не горел, ведь он был не к чему. В томительной паузе и затишье я и не заметил, как Адель уже стояла на пороге, а это значит, что калитка и дверь в дом были не заперты.

– Лендер, представляете, я только что вспомнила, что отец хотел вас видеть в нашем доме. Он просил передать...

– Проходи, садись за стол и доставай то, что рисовала дома. – перебил я и переместился на стул, стоящий напротив Адель.

– Хорошо, я тут долго думала о том, что лучше изобразить, поэтому не доделала работу до конца, но отец сказал, что она вполне может пополнить одну из выставок и что сделана она профессионально.

Девушка вскинула рукой черные как уголь волосы и принялась рыться в своем рюкзаке, наклонившись к земле, отчего были заметны странные следы на ее спине. Следы напоминали кровавые полосы от хлыста или шланга, но я предпочел не задавать вопросов об их происхождении. Эта девка никогда не отличалась примерным поведением и не исключено, что следы эти достались ей не от того, что она чесала спину своими длинными ногтями.

– Лендер?

– А, что?! – я вдруг понял, что чересчур был занят разглядыванием ее спины, нежели ожиданием.

– Смотрите, вот моя работа. – Адель выложила на стол небольшой холст с рисунком и подвинула его ко мне.

– Так, ну что тут у нас...

Взглянув на холст, я обомлел. На нем была изображена девушка, лежащая на пляже. Лица у нее, конечно же, не было видно, а лишь ярко рыжие волосы без какого-либо соблюдения цвета. Вокруг девушки располагались вне горизонта странного вида лежаки с темными пятнами, которые, как я полагал, были неким подобием людей, находящихся в дали от героя первого плана. Это все было выполнено несколько по-детски, и я вопросительно поднял глаза, посмотрев на улыбающуюся Адель.

– Это что за дерьмо? Я чему учил тебя? – спокойно спросил я.

– Лендер, ну отец сказал...

– Мало ли что тебе мог сказать Мануил, он не художник и никогда им не станет! Почему тогда ты не учишься у него? А? Или ты думаешь, что он всегда будет договариваться с организаторами выставок, чтобы твои иероглифы выдавали за великие шедевры?! Нет, Адель, ты должна видеть третьим глазом, ты должна чувствовать и сливаться со сраным холстом, со сраной кистью! Это и есть крест художника! – кричал я, рьяно жестикулируя перед лицом удивленной дамы.

– Лендер, я старалась и это хорошая работа, а ваше нытье про искусство и ренессанс я опять слушать не собираюсь... – на глазах Адель появились слезы. – Вы всегда меня принижаете, вы вечно оскорбляете мое достоинство и мой дар.

– Дар?! – я еле сдержал смех.

– Да, именно...

– Тогда, одаренная моя, какого черта я наблюдаю лютое говно на этом холсте? Я бы его использовал в качестве туалетной бумаги, будь у него хоть какая-то гибкость!!!

Адель резко сорвалась с места и вылетела из дома, буквально запрыгнув в свои дорогие туфли. Хлопок двери был настолько сильным, что висящий макет арбалета над ней рухнул на коврик, расстеленный перед входом. Я не спеша поднялся, дабы взглянуть в окно, но застать Адель, выходящую за калитку, увы, не удалось. Эта мелкая дрянь в очередной раз устроила концерт с оркестровой ямой и вновь заставила меня указать ей на ту ступень, где ее эго должно восседать, деля ее с массой современных богемных юнцов, выдающих себя за творцов прекрасного.

Я закурил и посмотрел на часы. Время позднее, поэтому даже слегка заволновался. Как она собирается добираться? Чаще всего за ней заезжал Мануил, но сегодня ему не суждено было этого сделать. Я попытался позвонить юной художнице, но из трубки доносилось лишь сумрачное завывание гудков, оповещающих о том, что она вне зоны доступа. Мгновенно, сразу после того, как я отвлекся, поступил входящий звонок от Мануила.

– Алло, Лендер, какого черта? Моя дочь только что приехала в слезах и заперлась у себя в комнате, не желая поговорить. Ты опять кричал на нее?

– Дружище, но она вела себя нагло и пыталась вновь мне перечить, ты же знаешь, что в таких условиях я не могу вести уроки. – Я пытался уравновешенно прояснить ситуацию.

– Так значит? Ну хорошо, я с ней поговорю, а ты попытайся пожалуйста выслушать ее, ведь она у нас девочка ранимая, тонкая натура так сказать... – Мануил заикался, то и дело перескакивая с фразы на фразу.

– Давай... – я бросил телефон на диван и следом увалился туда же, так и не раздевшись.

Утро началось не с кофе, а с неприятного диалога с Селиной, матерью Адель и чокнутой женой моего сердечного друга.

– Лендер! Ты что, с ума сошел? Девочка и так подвергается чрезмерным нагрузкам, а ты ее демотивируешь и всячески опускаешь при любом удобном случае! – Селина вопила в трубку своим мерзким голоском. – Я скажу Ману, чтобы он подыскал нового человека для занятий с нашей доченькой.

– Селина, а не ты ли больше всего настаивала, чтобы я курировал творческий путь Адель? Не ты ли просила, чтобы я не давал ей спуска и всячески усложнял ей путь становления?

– Нуу... это... – женщина замолчала.

– Так вот я и стараюсь, потому что мне не все равно на то, кем она в последствии станет, ведь мы друзья.

– Ладно, прости, забудем...

Недолго пообщавшись о личных делах, мы завершили сей курьезный диалог, и я принялся собираться навестить к Луизе, ибо ждал меня очередной сеанс промывания мозгов, на который я, по собственной глупости, невольно согласился.

В спешке накинув плащ, выбежал за калитку, а оттуда медленно побрел в сторону трамвайной остановки. Я шел по тротуару, разбитому многолетними паводками, которые терроризировали город. Проходя мимо дома Шота заметил четверых чернокожих ребят, вывалившихся на лужайку из двери. Все были не совсем в адекватном состоянии и по всей видимости под сильным наркотическим опьянением, поэтому они не обратили на меня никакого внимания, разглядывая задницу проходящей мимо дамы в короткой джинсовой юбке. Должен признать, мне то она тоже приглянулась, поэтому пришлось ускорить шаг. Но как только мы поравнялись, она, узрев мои шрамы, резко сглотнула, и отвела глаза к земле, как бы делая вид, что все так и должно быть. Я обожал такую реакцию, ведь за годы ношения телесных уродств, мне было абсолютно до одного места на мнение прохожих тараканов, наоборот, это даже забавляло. Но приходя ночью домой, меня одолевала великая депрессия, как бы шепчущая на ухо о том, какой же я все-таки мутант и тварь неведомая, от этого складывались и небольшие проблемы в борьбе с собой и внутренним боем цинизма и меланхолии. На фоне этих явственных переживаний я дико загнал себя, но Луиза, моя бывшая одноклассница, пожалуй, самая адекватная, предложила мне психологическую помощь.

Еще со школьной парты она отличалась невероятной гибкостью мышления и сражала наповал своим остроумием бывалые мозговые центры в виде преподавателей, оттого и быстро поднялась в сфере социального психолога. Эта девушка, из-за особого обаяния и харизмы, пользовалась огромной популярностью у мужского пола, хотя сама всячески пыталась избегать сексуальных и любых контактов, твердя, что не готова. Ее цель – использовать свой потенциал в помощи людям, хотя сама себе она не могла помочь. Однажды, я привел к ней Шота, но мелких убожков вместо упоительных бесед предложил ей покурить травки и трахнуть прямо на ее столе, из-за чего был послан далеко и получил от меня парочку оплеух. В общем Луиза обладала стальными нервами для такой хрупкой женщины.

Кабинет ее находился в новостройке на окраине города, на втором этаже. Из окна кабинета я всегда вглядывался в пожухлую листву и вечно черное озеро, окруженное деревьями,

напоминавшими рыбий скелет. Зато внутри обстановка была более позитивная и источающая гармонию.

Я заглянул за дверь, но моей цели там не было обнаружено, поэтому я поспешил нырнуть внутрь и расположиться прямо на ее рабочем кресле напротив монитора ноутбука. Усевшись, я покрутил в руках кружку с павлинами, принадлежавшую Луизе и отпил из нее травяной чай, уже успевший остыть. «Видимо ее нет тут минут двадцать» – подумал я, кладя посуду на место. Осмотревшись, можно было заметить, что стены кабинета увешаны прекрасными фотографиями из различных стран. Они напоминали дешевые сувенирные картинки в фоторамках, но нет, Лу делала их сама. Она очень много путешествовала по странам других континентов, общалась с людьми и фотографировала различные пейзажи. Я никогда ничего подобного не видел даже во снах, потому что всегда мешало отсутствие денег, обстоятельства, либо банальная лень, которая неизбежно уничтожала желание что-либо видеть, кроме вонючих стен. Размышления прервали два голоса, которые послышались из-за двери и доносились еще в дали коридора. Я напрягся. Голоса подплывали все ближе, оглашая эхом все вокруг и взор мой был устремлен в ту сторону до тех пор, пока дверная ручка не сместилась под углом вниз. В дверь вошла Луиза и какой-то мужчина в очках, с причесанными набок волосами и мерзкой серьгой в ухе. Когда пара заметила меня, то каждый из них впал в ступор, особенно этот сладкоголосый. Ремарочка: нет, я не ревновал Луизу, но уж слишком слащаво и отталкивающе выглядел этот урод.

– Лендер, ты как всегда без стука! – улыбнулась Лу и указала пригласительным жестом на кресло, после которого слащавый вальяжно уселся напротив.

– А ты как всегда опаздываешь и бросаешь кружки.

– Лендер, это Филипп, он решил посетить сегодня нас с тобой и послушать со стороны. Он студент последнего курса и ему интересно было бы взглянуть, как я работаю... И...

– Стоп! – я нервно облизал губы и поправил волосы, осевшие на глаз. – А меня кто-нибудь спросил? Я похож на музейный экспонат или обезьянку в клетке?

– Молодой человек! – слащавый подал голос. – Извольте ли мне представиться самому?

– Закрой пасть, шакал. Я не разговариваю в данный момент с тобой, поэтому сделай одолжение... выйди за дверь, пока я не выгрыз тебе гортань!

– Лендер! Фил, не обращай внимания, это он так шутит.

– Я понял... – слащавый начал было раскрывать свое портмоне, но в него тут же полетела кружка Луизы.

– Я два раза не привык повторять! – сказал я и вскочил с кресла, отчего оно ударилось о стену сзади и перевернулось.

– Лу, он псих! – чуть ли не в слезах вопил Фил.

Я сорвался с места, и оттолкнув гостя двинулся к двери и несмотря на возмущенный взгляд девушки вышел из кабинета. Спустя некоторое время, когда я уже брел по вечерней набережной, зазвонил телефон, но я догадался, кто это мог быть, поэтому поспешил выключить.

«Предатель! Небось и о проблемах моих растрепала этому ублюдку, да так, что теперь выставляет меня тем, на ком можно поучиться» – думал я и пинал любой мусор, попавший под ноги. Неужели? Неужели для одних жизнь – эпопея дерьма и серости, а для других – возможность потыкать тросточкой в это дерьмо? Почему настолько близкий человек как Луиза позволила так просто влиться в мое личное пространство? Я ничего не понимал. Хотя, вы же знаете, насколько люди – однородная, фаршеобразная и гниющая масса, стремящаяся то и дело засосать в трясину любого, кто не уподобляется их стандартам и рамкам. Так получалось всегда, но именно этот день я и завершил с мыслью о том, как я все ненавижу, в надежде, что завтра будет лучше. Ну или послезавтра...

Я проснулся от хохота, который доносился за забором и даже не продрав глаза понял, что это Шот. Мелкий уродец вновь очнулся с первыми петухами и принялся насиловать округу своими воплями, похожими на стоны подбитого вурдалака. Безумная атмосфера квартала по утрам была для меня слишком уж привычна, но в этот раз она переходила все границы. Я встал с кровати, истерически отбросив край пледа и побрел в сторону калитки. Двор внутри моего сектора был пуст все так же, хотя Шот и его «интеллектуальная элита» частенько ода-ривала меня пустыми бутылками и недокуренными косяками, метко летевшими через забор прямо на клумбу, где давно уже ничего не росло. Выглянув в щель между проемом и калиткой, я увидел, как Шота бьют два чернокожих парня, причем один из них месил мальчика по лицу, усевшись бедняге на грудь. Я выбежал на тротуар и в три прыжка преодолел расстояние. Чернокожий успел только бросить взгляд в сторону, как ему сразу же прилетел мой кулак точно в бровь, и он с криком свалился с Шота, схватившись за лицо. Не успел я опомниться, как второй щенок бросился мне в ноги, но маневр не удался, ведь мое колено с точностью отбой-ного молотка попало прямо в живот и уже через пару минут ублюдки убежали, забыв рюкзак. Драться я никогда особо не умел, чистое везение, поэтому удивлению моему не было предела. Подняв Шота с земли за кофту, уцепившись в грудь, я начал трясти засранца.

– Какого черта? Шесть утра, а ты разводишь тут бойню!

– Ленни, эти уроды сами на меня напали, серьезно, я вышел из дома в магазин! – прошептал Шот, с брови которого сочилась кровь.

– Ты идиот? Какие магазины в шесть утра? – усмехнулся я.

– Магазин у парка, он круглосуточный...

– Заткнись и пошли со мной. Надо тебя залатать, один хрен теперь не уснешь...

Я подтолкнул мелкого вперед в направлении моего двора, и мы вскоре уже сидели за столом. Я буквально склеил бровь Шота воедино и ждал, пока сварится кофе, а малец в этот момент угрюмо молчал, поэтому диалог начал я.

– Странно видеть тебя не обдолбанным и спокойным. Деньги закончились?

– Нет, просто я вчера решил порисовать и выпил три бутылочки пива, решив, что с меня хватит и бахал графику.

– Ого. – удивился я. – Ты не забыл, что такое карандаш и бумага? Я-то думал, что кисель в твоей башке нужен лишь для определения сорта травки.

– Да ладно, Ленни, достал. А этих двоих я реально не знаю, они попросили у меня пару монет...

– И ты их послал в грубой форме, естественно.

– Нет, я просто сказал, мол чуваки, пилите работать и отъебитесь, иначе я вам яйца отобью.

– Ну да, совсем дружелюбно. – усмехнулся я. – странно, что это они так. Хотя, правильно сделал.

Я одобрительно хлопнул Шота по плечу и в скором времени отправил домой, попутно даже успел уговорить его на травмпункт. Вообще он дико меня разочаровал когда-то, но все равно об этом уроде хотелось заботиться, как не крути, ведь я помнил его еще ссавшимся в штанишки. Если бы он еще не нюхал все что хотя бы отдаленно напоминает кокаин, то был бы вполне приличный мальй, а так...

Я уже накидывал на себя пальто и побрел в сторону того самого магазина через парк, чтобы купить пожрать и приняться разбирать чердак. ветхое помещение под крышей дома было клондайком дедовского хлама и пристанищем ветоши, которую я планировал выкинуть еще пару лет назад. И, наконец, этот день настал, но перед подвигами необходимо было насытиться и взбодриться, потому что работы было на полдня точно. Попутно я решил позвонить Даррену, узнать, что творится в кофейне, ведь с последними событиями я подзабил на свой недобизнес.

– Привет, что там по выручке?

– Доброе утро, Лендер, я еще сплю, позвоните позже. – сонным голосом пробормотал он и дальше был слышен лишь скрип его кровати.

Я положил телефон в карман и попытался двумя пальцами оттуда же выловить сигарету из пачки. Дым сегодня был особо едким и вкусным. Он отслаивался от основного комка и взмывал вверх шарообразными клубами, растворяясь в свете от городских фонарей, которые до сих пор не успели потухнуть. Влажный воздух мешал выровнять дыхание, и весь путь сопровождался отдышкой и скольжением сквозь туман на пути к огонькам магазина. Добравшись, я оглядел полупустые витрины, отделяющие различные виды товара полками с безделушками в виде воздушных шариков и колпаков для детей. В магазине было пусто, лишь полусонная дама в розовой водолазке хлопала глазами, глядя на меня из-за нагроможденных принадлежностей на ее рабочем месте. Я прошел мимо полки с алкоголем, попутно зацепив бутылочку джина, и направился к морозильнику с мерзкими полуфабрикатами. Спустя десять минут удалось добраться до куриных палочек и замороженных овощей. Жрать всякое дерьмо я привык еще с давних времен, еще с тех пор, как учился в университете, потому что кулинар из меня был никакой. Кассирша вяло листала страницы в своем смартфоне и то и дело широко зевала, напоминая бегемота, просящего ужин. Пробив мне товар, она продолжила измываться над своим айфоном.

Я выскочил на улицу с пакетом и сразу же обратил внимание на то, что туманом затянуло практически всю улицу, отчего проезжающие мимо машины казались огромными светляками. Иногда, на каждом сотом метре, встречался прохожий мертвец, шедший в никуда со своим чемоданчиком и полной головой житейского фарша. На самом деле, больше чем уверен, он был не нужен никому из обитателей нашей оживленной клоаки. И он тоже любит посидеть за стаканчиком пива, взгрустнуть о тяжести жизни ходока в супермаркет и воспитателя еще одной единицы просраного поколения. Любим мы драматизировать на этот счет. Я бы тоже мог, но все проще чем кажется. Кусок земли, растущие из нее палки и камешки, которые один на другое выложило животное. Бегающие и снующие вокруг двуногие приматы с мыслями о том, куда сегодня пристроить свой половой орган и что бы сожрать в перерыве в офисе. Так ведь? Конечно же да, ты наверняка сейчас этим и занят, в перерыве читая концептуальную башенку из фекалий, выстроенную благородными СМИ. Здорово...

Дома я в спешке позавтракал и заполз по огромной лестнице на чердак. Тут я бывал от силы раза четыре за год. И то лишь для того, чтобы найти старые полотна, являвшиеся памятью о молодости. Действительно, моя юность прошла не так, как хотелось бы многим из вас. Я был закомплексованным и скромным подростком, который все время проводил за книгами, иногда время от времени получая оплеухи от сверстников. А когда мне хотелось реабилитироваться перед собой, я начинал погружаться в мир творчества. Грань реальности в те вечера была под желеобразной жижей, собирающейся из бытовых ссор с родителями и первых полотен. Отец всегда считал, что я занимаюсь не тем, чем нужно... Старый хотел видеть меня инженером или архитектором. Якобы «настоящая мужская профессия». Но жизнь распорядилась так, что я пошел учиться в педагогическое учебное заведение. Преподавать зарубежную литературу мне так и не довелось, ибо места в частных школах были заняты. Поэтому я и стал преподавателем культурологии. Каждый день наблюдал за отпрысками местных главарей и чиновников и в душе мечтал уехать и писать картины. Работая там, где хочешь умереть, дабы иметь деньги на еду и атрибутику для рисования. В этом было мое все. Потом попытка суицида, потеря глаза и приобретение страшного шрама на лице, который приходится закрывать длинными волосами. В юности я всегда предпочитал короткую стрижку...

Все это и было тем, что хранили в себе старые полотна, но ничего похожего я отыскать не смог, перерыв десятки полок и уголков. На стенах висели старые лампы, на куске тумбочки стояли стопками черно-белые фотографии, а с них абсолютно опустошенными глазами гля-

дели люди, которые являлись мне какими-то родственниками. Перед более подробным изучением нужно было вытащить весь хлам и ветошь, ради которой, в общем то, я и пришел наверх. Последним был самый мерзкий уголок, в котором лежала куча книг, старых бутылок и различных газет. На одной из поломанных спинок от стульев лежал плащ годов так 70-х, непонятно кому принадлежавший. Я приблизился к нему и включил фонарик, направляя луч в сторону воротника. От плаща пахло отвратительно... Смесь крысиной мочи и въевшейся десятилетней пыли. Я осторожно поднял его и отшвырнул в сторону выхода, чтобы по пути назад выбросить этот чертов туалет для грызунов. В воздух сразу же взлетел плотный комок пыли и резко разлетелся в стороны, рассыпаясь о колонны, подпиравшие крышу. Сразу за этим я услышал характерный металлический звон. Как будто на землю упала большая монета и небольшая цепь для велосипеда. Я резко повернулся и встал вглядываться в расплывающееся облако пыли, как вдруг заметил характерный блик возле выхода. Там лежало что-то небольшое, круглое, похожее на старые механические часы двадцатого века. «Неужели что-то интересное!» – подумал я и подбежал к выходу. Через минуту сей предмет оказался у меня в руке и это было не совсем то, чего я ожидал. На ладони красовался старинный монокль. Я сразу же представил надменную аристократическую морду годов так двадцатых прошлого столетия, от которой так и штормило снобизмом. Чертов монокль был абсолютно бесполезной хренью, но почему-то я сунул его в карман джинсов и спустился обратно в дом. Полотна небыли найдены, и я с некой долей сожаления сел пить джин.

За окном барабанил дождь и сквозь шум от ударов капель были слышны крики по ту сторону ограды. Шот опять устроил тусовку... Либо она не прекращалась, ведь музыка из его дома играла каждый день. В основном это был гангстерский хип-хоп или нечто похожее... Перекинув ногу на диван, я почувствовал резкую боль в бедре и рефлекторно отдернул ногу в сторону. Рука опустилась в карман, и я извлек монокль. Вещица была явно старинной и антикварной, о чем свидетельствовала странная гравировка на ободке и цепь с непонятным плетением. К тому же он был серебряный. Вещицу можно было бы продать за хорошую сумму, и я принял решение завтра же это сделать. Но прежде всего я решил его примерить. Подойдя к зеркалу, я закрепил цепочку на свитере и вставил линзу в глазную впадину, зажав ее бровью и одновременно щекой. Вид был у меня конечно странный, но из-за того, что мышцы, которые обычно бездействовали, заработали, взгляд казался чересчур надменным. Это было крайне неудобно, поэтому я снял аксессуар и прицепил его к зеркальной рамке. Чего только не найдешь... На удивление глаз видел ясно, причем странно то, что линза была довольно широкой, а зрение у меня было почти идеальное. Как будто делался на заказ. Видимо больше предназначался он для соблюдения эстетики и изящества в те непростые времена. Коллекционеры явно оценили бы по достоинству.

После всего прочего я прилег на диван, ведь был полдень и нужно было вздремнуть перед походом в кофейню. Я потер глаз и одним движением провернулся в другую сторону, затягивая за собой одеяло.

Глава 2. Ты – гений, Циклоп

Я стоял на сцене в новом малиновом пиджаке и вглядывался в зал. Делать это мешал яркий свет двух параллельно расположенных прожекторов, направленных точно мне под ноги. Свет был настолько ужасающим, что это напоминало лампу в операционных или стоматологии. Я извлек карманное зеркальце и посмотрел в него. Аккуратно уложенные волосы блестели от геля, на пустой глазнице красовалась кожаная повязка, а второй глаз был украшен найденным моноклем. Выглядело это очень стильно и вызывающе, да так, что я почувствовал себя знаменитым актером. Боковым зрением удалось рассмотреть, что справа от меня располагался мольберт с моим любимым абстрактным глазом. Спустя минуту зал заплодировал, и я махнул рукой сверху вниз, чтобы гул наконец утих. Из-за прожекторов было все еще ничего не видно, и я вел диалог почти в слепую.

«Я готов представить вам сие чудо, в которое я вложил три четверти своего очарования.» – заорал я в надрыв. Народ загудел, заливая будто из пожарного шланга весь зал. Я повернулся к картине. Глаз был так же прекрасен, как и всегда. Вдруг он ожил. Именно. Уродливое красное веко, усыпанное гнойниками, пластом опустилось вниз, а затем плавно поднялось ввысь. Глаз моргнул зрителям и заставил принять в мои уши еще одну волну гула. С каждой минутой интенсивность моргания повышалась и зрачок приобретал еще более живой вид, отражая лучи прожектора. Веко прикрывало вонзающийся луч и капли различных цветов, изображенных на картине, вдруг потекли к земле. Вытекая за границу мольберта, они скатывались на землю, становясь бурными и густыми. Это очень напоминало венозную кровь. На земле жидкость сворачивалась, превращалась в желеобразные комочки. Один из них я продавил носиком ботинка и жидкость попала на штанину, но на малиновом цвете было не особо заметно. Прожектора тускнели, а глаз выбрасывал жидкость в разные стороны. Иногда он жалобно косился в мою сторону. Вдруг раздался дуплет хлопков. Прожектора перегорели и из-за этого я на минуту перестал что-либо видеть. Когда зрение вернулось, я ошалел настолько, что колени непроизвольно сокращались. Все посадочные места театрального зала были заняты манекенами. Пустые лица лжелюдей иногда горели красными цветами, из-за чего доносился звук хлопков в ладоши. Посреди тысячи манекенов удалось заметить двух живых существ. Это был Шот и еще какой-то парень, больше походивший на эволюционировавший зародыш. Скользящий и безволосый, он потянул кривоватую ручонку в сторону окровавленного, но улыбающегося Шота и потрепал его по голове.

– Какого черта? – я пятился назад.

– Ленни, ты просто редкостный кретин. Внимания твоего жаждут они, старина, внимания. Ты же лучший. Ты гений, Лендер, ты сраный гений. – бубнил Шот, глядя на своего соседа.

– Где мы? Что тут творится? – спросил я, вытирая пот со лба.

– Подбери монокль, сукин сын!!! Не снимай! – существо, сидевшее слева от подростка, безумно заорало и вскочило на ноги.

Я приложил руку к глазу и обнаружил, что монокль пропал...

Проснулся я от громких хлопков, которые заставили меня прямо-таки подорваться с кровати. Луч света от фанаря с улицы бил прямо в то место, где находилась моя голова минутой ранее. Подумать о странном сне я не успел, так как любопытство охватило мой и без того развороченный разум. Вскочив коленями на диван, я отодвинул шторку и увидел какое-то движение возле дома Шота. Приглушенные крики сменялись свистом автомобильных шин. Когда шум утих, я осторожно слез с кровати и закутался в банный халат. Открыв дверь, я замер в собственном дворе, не торопясь выйти за калитку. Мерцание возле дома Шота не прекращалось, а разговоры людей стали слышны еще отчетливее. Выйдя за калитку, я увидел, что вокруг чего-

то столпился народ. Из-за угла показала нос машина скорой помощи, она не могла выехать из-за неправильно припарковавшегося пикапа. Водитель скорой неистово сигналил и махал рукой, высовывая ее из окна. Я поспешил к месту скопления и на автомате растолкал зевак. На траве лежал Шот, таращась в пустоту и в пустую шевелил губами. Его голова была окровавлена и неестественно завернута вверх и в сторону. В моей груди тут же неприятно жалось, и я подбежал к лежащему парню, наклоняясь ближе. Пустые глаза, похоже, выдавали полное непонимание происходящего. Меня отпихнул врач и принялся осматривать моего соседа.

- Быстрее, аккуратнее! – командовал он, указывая пальцем на санитаров.
- Что там у него? – спросил один из них.
- Проникающее ранение. Огнестрел. Он жив, так что скорее грузим его и вперед!
- Док, он жить будет? – я схватил врача за руку.
- Пока не ясно, вы ему родственник? – укоризненно посмотрел врач на мой внешний вид.
- Сосед. Но у него нет никого, я должен знать...
- Приезжайте завтра в больницу святого Фридриха и все будет ясно. Я вам все расскажу.

А теперь нам надо ехать, они почти погрузили паренька. К вам сейчас подойдет офицер полиции и задаст пару вопросов. – врач указал рукой на приближающегося человека в форме и удалился.

Разговор с полицейским был типичным. Я ничего не видел, поэтому не особо его заинтересовал, но на допрос нужно было явиться через день, если не найдут виновников. Оказалось, что в доме Шота были еще люди, потому что показались другие санитары. Они вынесли два бездыханных тела из дома и погрузили в соседний автомобиль. Разобрать, кто лежал на носилках было невозможно. Трупы были традиционно накрыты вместе с головой.

Я развернулся и зашагал в сторону калитки, а когда забрел в дом, то с силой хлопнул дверью, скидывая на ходу с себя халат.

Кому он насолил? Хотя... Он мешал всем. Я помню его ангелочком, которым восхищался весь район. А сейчас ему двадцать. Может уже и было двадцать. Улыбчивый малец в прошлом, лежал сейчас с простреленной головой на тротуаре. Как собака. Его загнали, убили его друзей и скорее всего его самого. Мне было до него нет дела, иногда он мне казался и вовсе отвратительным маргиналом, но каждый раз приходилось ему помогать, чувствуя ответственность, ведь знал хорошо его родителей. Нужно было утром в больницу, предварительно попытавшись выспаться, но сон отказывался приходить вновь.

Я переместился за журнальный столик, схватив по пути монокль за цепочку и уселся перед ноутбуком. «Что ж ты за диво такое?» – произнес я вслух, глядя на линзу. В голове ненароком всплыли образы из недавнего сна, в котором фигурировал окровавленный Шот. Вещие сны? Мой скепсис отождествлял сон с работой нервной системы, потому что наверняка, все начало происходить в соседнем доме именно в тот момент, когда мне снился этот сон. И что мой мозг по привычке сработал по типу флигеля относительно дома Шота, предупреждая об опасности. Еще и этот монокль, к которому постоянно тянуло. Закладывать его коллекционерам было необходимым, ведь по сути за эту безделушку можно выручить неплохую сумму, но было в нем что-то такое, что постоянно вводило в замешательство. Хорошо... С мальцом разобрались, но кто тот второй тип из моего сна? Я не имел не малейшего понятия, но знал одно: это нечто явно не из тех, кто пришел с миром. В конце концов: какого черта я стал заострять внимание на этих снах? Необходимо было разрядиться.

Я решил позвонить Мануилу, чтобы увидеться с ним вечером, и он ответил утвердительно, к тому же еще добавив, что мы очень давно не устраивали посиделок вместе. Я был близким другом их семьи, пусть и не особо импонировал его жене Селине. Она была настоящей богемой, светской дамой, грацией которой было невозможно не очароваться. Она была кротка и покорна, своеобразный эталон хорошей жены и хранительницей очага их дома. Дом можно было назвать даже особняком, ведь их семья была очень обеспеченной. Селина зани-

малась выращиванием цветов, плюс ко всему у нее был свой салон флористики, причем самый популярный в нашем городе. Ману держал легальное казино и несмотря на роскошные апартаменты, являлся очень скромным парнем, проводя выходные за игрой в пинг-понг и рыбалкой. Как вы уже помните, именно с их дочерью я занимался академическим рисунком. Адель пошла не в родителей, ибо была избалована и невежлива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.